

Февраль старинного Ирбита

Исторический музей в Москве хранит картину видного графика Емельяна Корнеева “Приезд на Ирбитскую ярмарку”. На полотне — бесконечный обоз, сторожевой всадник в островерхой шапке с пикой наперевес, окраинные домики желанной слободы...

Ярмарка в Ирбите, известная всей России, миру как зимняя, продержалась 279 лет. От официального признания правительством в 1643 году до 1929-го. Причины ее появления на свет? Это гужевые и водные пути на стыке крупных экономических районов, удобные, в частности, для переправки в Сибирь изделий горнозаводского Урала. Это и срединное положение Ирбита в потоке внутренней торговли. Не следует забывать, что вокруг гостевого города было развито самое продуктивное в Зауралье земледелие, а местные мастеровые наострились сноровисто, даже изысканно возводить торговые и жилые строения...

По энциклопедическому словарю Брокгауза 1894 года издания, в Ирбите значится 5855 человек. По нему же, “фабрик и заводов в уезде, с городом, 135”. Были развиты мукомольное дело, выделка кож, варка мыла, изготовление свечей... Ирбит поставлял до ста тысяч пудов конопляного и льняного семени. Конопля шла и на экспорт, в Англию.

Если товар, этот основной итог развития промышленности, сельского хозяйства, ремесел, — кровь страны, то купечество сопоставимо, наверное, с сердцем. И главными участниками ярмарки разумелись гости торговые от почти безымянных до всероссийских знаменитостей. Но формировал Ирбит и собственные сословия.

Гривенник сироты

Без малого за три столетия купцов в Ирбите перебивала тьма. Так, ярмарка 1688 года представлена 121 торговой фамилией. Если попутно говорить о размахе торга, то ярмарочный комитет отвел под него в тот год только лавок 834, не говоря о площадях и улицах. Специального подсчета иногородним купцам никто не вел. Но гостей стало однажды известно. Всероссийская перепись населения 1897 года пришлась на февраль, и в переписной день “чужих” по Ирбиту отметили 25 тысяч человек. А бывало, одних только подвод за ярмарку приходило сюда до двухсот тысяч! Сани громоздились штабелями в два-три яруса, занимая весь город. Дробный стук лошадиных подков разносил славу об ирбитских кузнецах по дорогам России. За ярмарочный месяц нужно было перековать тысячи лошадей.

Ирбитская ярмарка славилась пушниной — треть стоимости всех товаров составляли меха. В 70—80-е годы девятнадцатого столетия в Ирбите продавалось от пяти до десяти миллионов шкурок ежегодно. За белкой, зайцем шли горностаи, песец, соболь, лисица, хорек степной, колонок, сурок. Поменьше было куницы, барсука, выдры, норки. Крупно торговали оленьими шкурами. Поддерживался спрос на шкуры тибетских коз (50 тысяч в год). В 1909 году на ярмарку было доставлено 10 тысяч волчьих шкур, тысяча медвежьих, полсотни шкур белого медведя.

Товары на торге подразделялись на три группы: русско-европейские, сибирские, азиатские. Ведущими к началу первой мировой войны значились русско-европейские. В 1909 году их было доставлено в Ирбит на 20 млн 255 тыс. рублей, в 1913-м — на 14 млн 644 тыс. рублей, привозы в остальные годы колебались между этими крайними точками.

Из сибирских самый высокий подвод пришелся на 1911 год — на 9 млн 453 тыс. 345 рублей. Самый низкий — в 1909 году — на 7 млн 607 тыс.

Скромнее всего смотрелась группа азиатских товаров, поставляемых Китаем, Монголией, Индией. По оценке ярмарочного комитета, чая, изюма, шелка, шерсти верблюжьей, ковров было завезено в 1908 году на 889 тыс. 100 рублей, в 1909-м — на 782 тыс., в 1911-м — лишь на 543 тыс., в 1912-м и того меньше — на 485 тыс. рублей. Однако по курсу рубля той поры это была товарная лавина. Сравните: в 1909 году пуд пшеницы на Ирбитской ярмарке стоил рубль с копейкой, в 1900-м — еще дешевле: три четверти рубля.

Никто нароком не изучал привычек, норова торговых гостей, характеры их ушли в глубины времени вместе с ними. Они, торговые гости, даже на памяти ирбитчан представляли перед городом слишком пестро, кто как, исходя из конкретных своих особенностей. Мария Дмитриевна Дробинина вспоминала, например, как один купец все проиграл, а когда застрелился, то полиция хоронила непутевого на казенный счет. Тюменский купец Колокольников на конных бегах застрелил в порыве отчаяния лошадь ирбитского купца Колмакова, когда та второй раз подряд опередила у финиша его скакуна.

А если сердце просит музыки, песни? Для натур тонких в ярмарочном ресторане “Эрмитаж” ставились оперетты Кальмана “Сильва”, “Цыганский барон” Штрауса, “Наталка-Полтавка” Котляревского, “Орфей в аду” Оффенбаха...

Помнит Ирбит неумное озорство, казалось бы, взрослых гостей. Так, сын московского купца Сергей Наталкин распорядился однажды направить тройку по горшечному ряду. Под копытами горячих коней в черепки билась глиняная посуда. На упрек спутницы, дамы сердца, седок ответил: мы, дорогая, у азиатов, в Европе я бы себе такое не позволил!

Любил зло пошутить над собратями якутский купец Петр Кушнарв. Как-то в теплый ярмарочный день — с крыш капало — он, облюбовав тройку (коренник — вороново крыло, пристяжные — гривами дорогу метут), нанял ее до сумерек, а заодно и всех остальных легковых извозчиков. Куда головной экипаж, за ним и вереница порожних. Что оставалось деловому люду в тот день? Только месить мокрый снег ногами!

Разнообразными гранями, вплоть до невероятных, представало перед городом российское купечество. Под эталон же торгового гостя подходят полностью, пожалуй, всего двое — знаменитый Савва Морозов и местный, ирбитский, Дмитрий Зязин. У них схожие судьбы, типичные для истинного купца черты характера. Оба из крепостных, в люди вывела лишь предприимчивость. Вспомним: основатель династии Морозовых Савва Васильевич еще подневольным отбывал повинность на шелкоткацкой фабрике. К открытию своей мастерской в 1801 году он изучил в тонкости не только производство, но и вкусы, запросы слободской девушки на выданье, крестьянской невесты, мастерового, хлебопашца... Яркий ситец, тонкий батист, полубархат, репс раскупались мгновенно.

Младшему сыну, Тимофею Саввичу, удалось потеснить на мировом рынке самих англичан. По его же просьбе городская дума отвела ему земельный участок в Ирбите под постройку торгового дома со службами. При открытии магазина покупателям дарили по платку. Торговый дом Морозовых сохранился, хотя убранством, конечно, не блещет.

Над ирбитским купцом Дмитрием Зязиным город посмеивался. И из-за его скупости, и из-за чрезмерного аскетизма. Однако упреки молчаливые, а подчас и высказанные он парировал обычно остроумно, весело. Купив как-то на рынке грошовой рыбы, он попросил сноху приготовить пирог. Та, ничего не сказав, отдала мелкоту кошке, принесла из лавки Рудакова доброй, испекла, подала на стол. Распочав пирог, Дмитрий Васильевич удивленно вскинул брови:

— А я и не знал, что рыба в пироге растет!

В другой раз при благотворительном, сборе Зязин опустил в кружку гривенник. Сборщик покосился: дескать, твой старший сын не пожалел серебряного рубля! Зязин хитровато потупился:

— Да, он способен себе позволить такое; у него отец — миллионер, а я — сирота...

У него было правилом: себе, для семьи — без затей, что попроще, подешевле, главное — радеть о деле. Одежду, обувь для домочадцев покупал под занавес ярмарки, при вялых ценах и из остатков. Сам с весны до осени неизменно носил сапоги.

Охотников пошутить над его привычками хватало. При одном из случайных заходов Зязина в ресторан завсегда не преминули позлословить: вот, мол, голодный, наверное, а обедать не станет, чтобы не разориться... И поперхнулись: Дмитрий Васильевич при них вымыл руки дорогим французским вином.

— Могу вот так мыться, но ведь не делаю и вам не советую. А еда что? Ее и дома хватает!

Круглый год поднимался в четыре утра, наскоро пил чай, запрягал бурого меринка, всходил на сани или дрожки, вожжи в руки — и по своим заведениям. Не случайно на выставке по югу России его мука собственного помола получила большую золотую медаль. Зязинская мельница, техническое чудо XIX столетия, долго и в советское время снабжала город мукой.

Водились у Зязина наличные деньги. 14 сентября 1914 года он ссудил Екатеринбург сто тысяч рублей сроком на пять лет из семи процентов годовых. Такой процент ныне посчитали бы за акт милосердия! Легких денег, полагал он, ни у кого не должно быть, а потому в восемнадцатом, при отходе красных из Ирбят, отказался платить контрибуцию в 170 тысяч рублей. Даже под угрозой смерти своей и сына. Впрочем, с ними вместе расстреляли и остальных, кто условие выполнил — деньги внес.

Как сколачивались состояния, в том числе миллионные? Как и повсюду в мире, во все времена. В старину торговый гость оставлял себе что-то за посредничество, чтобы самому прокормиться и дело развить. В услугах его нуждались и пахарь, и мастеровой, и рыбак с охотником... Человеку, занятому на пашне, у верстака, поисками зверей и птицы, торговать некогда. Да много ли он “напрядет-наткет” с семьей, чтобы выйти на ту же Ирбитскую ярмарку? А взять сибирское раздолье, удаленность? На какой торг подастся охотник с краешка земли? Ясно, что добытая пушнина скупалась у него на месте, а платили за нее столько, что хватало только покрыть расходы на соль, порох, табак... С любой очередной перевалкой цены полнились и к торгу в Ирбите обычно вдесятеро, а то и больше превышали первоначальные. Бывали взлеты исключительные. О таком поведала справочная книжка “Ирбитская ярмарка на 1907 год”:

“Когда почти на все меховые товары поднялась цена, да и поднимается и теперь по какому-то лихорадочному требованию их для заграницы, агенты заграничные, не удовлетворяясь покупкой товаров в Ирбите и Нижнем, сами отправились чуть ли не в дебри Сибири, чтобы скупить товар почти из первых рук. Появление господ иностранцев... взволновало местных скупщиков пушнины. Пошла конкуренция. И в результате — баснословные цены”.

До этого, как отмечает справочная книжка, пушнину по Сибири от охотников скупали исключительно сами сибиряки. Не случайно взлетели цены на соболей: темные продавались по 250 рублей штука, светлые — вполтину дороже, чем на предыдущем торгу. Многие, по замечанию составителей справочника, нажили на соболях состояние.

Оптовые партии азиатских товаров из Ирбита направлялись к берегам Волги, в Нижний Новгород; европейские, наоборот, передвигались через Ирбит в Азию. Ярмарка отражала уровень производительных сил России, соседних с нею государств. Так, в середине XIX века с Ирбитской ярмарки исчезли китайские и среднеазиатские ткани: их заменили красивые русские ситцы. Это был

настоящий переворот в ярмарочной торговле. Дешевые русские ткани хлынули через Ирбит и в Китай, и в Среднюю Азию. Значение Ирбитской ярмарки для развития хлопчатобумажной промышленности России неоспоримо. А четверть всех китайских товаров на ней стал составлять чай.

По значению, обороту Ирбитская ярмарка оставалась второй после Нижегородской. Первенствовала на ней Московская губерния, за нею — Владимирская и Костромская с их ситцами, третье место занимали сибирские губернии, четвертое — Урал с тремя губерниями. Главным же покупателям оставалась Сибирь.

“Чтобы любо было смотреть...”

Торговали на ярмарке купцы свои, ирбитские, и те, кто бывал в Ирбите наездами. Число своих, конечно, колебалось. В 1900 году, например, торг держали 53 семьи. Нашлось бы что рассказать о любой, но обстоятельно остановимся на династии Казанцевых. Фамилией они из города Владимира, из иконописцев. Имя основателя в потомстве не сохранилось, известен лишь примерный год рождения — 1780-й. Прадед Василий родился в Ирбите в 1814 году. Торговал мелочным товаром у купца Смородинцева.

Едва ли новое дело приносило весомый доход, но Василий в нем закрепился, приохотил сына Владимира. Богатство создавалось ведь по-разному. Одному случайно привалит в виде клада или наследства. Другой сам добудет, не особо маясь совестью. А третьи прибавляли его собственным упорным трудом: грошик, копейка, гривенник, рубль... А уж когда сын на ногах да отец ему по-прежнему опора, как делу не прирастать, не убыстряться? Да если еще у молодого семейного союза по сердцу?

А женился Владимир Васильевич на дворянке Павле Васильевне Черкасовой. Случайные встречи, как известно, и в старину бывали. Гостил он в Камышлове у родных, и туда же приехали к своим Черкасовы из Тобольска. Влюбился! Из-за сословных предрассудков не сразу-то согласились ее родители на брак дворянки с купцом. Подобный союз допускался разве что при крайней бедности невесты, а за Павлой Васильевной имелось достойное приданое. Но согласились: купец-то какой — ирбитский!

Родных жены Владимир Васильевич не подвел: торговля у него шла в гору. Основную роль, правда, сыграли не свой скромный капитал, не приданое, а доброе знакомство с Морозовыми, возможность брать у них кредиты, умело используя взятое в долг. Сыновья Владимира Васильевича (его не стало в 1904 году) — Владимир и Василий. Первый выстроил дом на улице Веселой. С рабочим кабинетом, библиотекой, гостиной, столовой, просторным залом. Места хватало не только себе, а и Кузнецовым, фабрикантам знаменитой фарфоровой посуды, когда кто-то из них прибывал на ярмарку.

Рядом выстроил дом и Василий. Тоже для себя и гостей. У него останавливались исключительно представители видных московских мануфактурных фабрик.

Роль местных торговых династий в Ирбите велика. Дома тех же Владимира и Василия Казанцевых составили ансамбль, прирастили и украсили город. До сих пор они хороши: не случайно в одном до последнего времени располагался родильный дом, а во втором преемственно районная администрация.

Не забывалось и упрочение торговых основ. Одной-двух лавок стало мало: арендовали семь лавок в гостинном дворе, да еще в каменном корпусе около Сретенской церкви. Владимир Васильевич рассуждал так: “Куда покупатель ни повернись, мы тут, обслужим!” Легкомыслия в отношении к торговому делу Казанцевы не одобряли, усматривали в нем урон сословному

авторитету. Тюменский купец Н. Стахеев, зять художника Ивана Ивановича Шишкина, имел в Ирбите представительный дом, крупный магазин, да увлекся, сам того не заметив, азартной игрой. А картишки дело известное, — проигрался тюменский торговый гость. Купил у него Владимир Васильевич и магазин, и дом, чтобы не дать строениям в упадок прийти и не печалиться бы тем городской вид. Сохраняли Казанцевы купленное, а с ним и шишкинские работы, что расстроенный Стахеев так на стенах и оставил. Офорт сейчас в Ирбитском историко-этнографическом музее, “Утро в сосновом лесу” — в областное краеведческом.

Оставленному второпях и после неспрошенному Казанцевы, надо полагать, были рады. У всех у них природный талант живописца так или иначе пробивался, к искусству они тяготели, рука в свободный час сама собою тянулась к карандашу, кисти.

В основе застройки города на исходе девятнадцатого столетия классическая композиция планировки — пять основных улиц лучами расходятся от торговой площади, сетка кварталов прямоугольная. Пространство в этих лучах и возле предстояло тогда наполнить каменной красотой. И тот же купец Дмитрий Васильевич Зязин “болел когда-то особой слабостью к возведению новых построек на украшение города”. Заходил ли разговор на земском собрании о возведении больницы, школы — размах у Зязина был широк, слово энергичным, наступательным.

— Зачем делать клетки? — горячился он. — Надо, чтобы потом любо было смотреть!

Имея в Ирбите уже несколько домов, не переставал строиться: то тут домину поставит, то там, явно осознавая, что выгоды не обретет. Жил, видимо, красотой. В одном из его домов до сих пор городская библиотека. Радостно — что зайти, что с улицы посмотреть. Своим обостренным чувством понимал, наверное, Дмитрию Васильевич, как важно и торговому гостю соприкоснуться с красотой, чтобы через год, к очередному февралю, он опять стремил помыслы на встречу с Ирбитом.

Дядя Ваня

Сам купец за прилавком не стоял, на то приказчик был. В белой косоворотке, костюме, штиблетах зеркального блеска. С готовностью первый спросить, ответить, подать, посоветовать. Ценился, понятно, предупредительный, расторопный. К иному, бывало, отношение складывалось как к соратнику. Бездетный ирбитский купец Палладий Дунаев, к примеру, проникся к приказчику Сергею Пушкареву отцовской любовью. И было за что: к старости хозяина приказчик присоседил под дунаевское начало торговлю стеклом и известью. К завершению земного пути Палладий Александрович оставил Пушкареву по завещанию и магазин с товарами, и каменный дом из трех обретенных.

Путь к месту приказчика начинался с детства. Двенадцати лет привезли в Ирбит из недалежного села Белослудского Ваню Коновалова. Случилось так, что Ванин отец и сын ирбитского купца Владимира Казанцева, тоже Владимир, свиделись в молодости при самых необычных обстоятельствах. В августе 1904 года, в Маньчжурии, перед наступлением японских войск под Ляояном. Солдата Евлампия встреча с унтер-офицером Казанцевым крайне удивила.

— Я — ладно, а как ты здесь?

— Моя очередь. Откупаться не захотел, торгуем многим, но совестью — нет!

Надо ли говорить, что теперь, дома, встретились они сердечно, и Ваньша остался в городе. Три года пробыл в мальчиках. Упаковывал купленное, доставлял к экипажу, даже носил по домам, подметал в магазине и около; зимой топил печи, следил за керосиновыми лампами. Попутно в чем-то помогал приказчику. В годы его обучения, с 1911 по 1914-й, Казанцевы держали шесть

мальчиков. Трое деревенских с хозяевами жили, на хозяйском обеспечении, а трое надомных, городских, утрами в магазин прибегали. Смотрел за мальчиками доверенный Тимофей Томшин.

Через три года Иван Евлампиевич значился в приказчиках. Торговая школа закрепила в нем уважение к арифметике. За прилавком он обходился без счетов, независимо от числа покупок. Не напрасно мальчишкой занимался у сельской учительницы Надежды Афанасьевны Железницкой, отмеченной в советское время двумя орденами Ленина. Смеялся:

— Таблицу умножения до сих пор наизусть знаю!

Жизнь до ухода на пенсию Коновалов посвятил торговле. Товар у него расходился хорошо. Вспоминал: пришли за покупками муж с женой. Она берет себе и своей маме то и это, а свекрови — ничего. Муж робко напомнил: “Надо бы маме что-то”. Она молчит. Тогда подал голос Иван Евлампиевич: “Вы, хозяйюшка, сами свекровью будете, сноха вас тоже обидеть может...” Она сердито говорит мужу: “Ладно, бери матери на платье!”

Это от купеческого воспитания — подметить, вникнуть, быть равноправным участником обоюдно заинтересованного разговора.

Его, Ивана Евлампиевича Коновалова, город от мала до велика почти половину столетия назвал дядей Ваней. С легкой руки комсомолки Лизы — за смоляную бороду. Что город знал его и любил, помнит сейчас — лучшая ему, приказчику смолodu, аттестация. Такого собеседника поискать было! Как-то при мне сожаление вырвалось:

— Учиться не пришлось, а то, может, вышел бы из меня рыжий дурак...

— Это как понимать?

— Ну, клоун. Юмор понимаю, сам как будто за острым словом в карман не лезу...

Разговор о профессии клоуна не случайно был. В свое время у дяди Вани дважды квартировал, приезжая в Ирбит, цирковой артист Эмиль Федорович Ренард, известный Кио. Кличкой его собаки Чомы Коновалов потом звал свою. Дом его тяготел к театру. В родне был профессиональный артист, нередко останавливались на постой заезжие. В самой просторной комнате ставилась домашние спектакли.

Цветы разводил. В частности, красиво пламенел у него пудовый кактус о трех колючих “палицах” на едином стебле.

Газеты читал до последнего дня, названия чужих городов, порой вычурные, иностранные фамилии приводил в пересказе без запинки. Как было не зайти покупателю к такому работнику прилавка лишней раз!

Речное чудо

Ирбит знала вся Россия. Бывало, над человеком, одетым в длинный тулуп, обремененным провизией, шутили: “Собрался, как в Ирбит на ярмарку”.

По значимости, заглавности ямщик едва ли уступал купцу. Без него, без подвоза товара торг тоже не состоятелен. Пути к Ирбиту вели в основном гужевые; по реке Нице сплавлялись только грузы малоценные и громоздкие. Трудно представить теперь, при наличии автомобиля, поезда, самолета, те обозы, морозный и метельный путь, который конь и хозяин делили поровну. Ведь проходило, к примеру, более месяца, прежде чем возница из Владимирской губернии достигал границы Ирбита, пересекал Северный мост, устало шагал рядом с подводой по Судебной улице и, завидев величавый Богоявленский собор, торопливо снимал шапку.

Извоз долгий, а отдых мимолетный, в утесненности. Ирбитчанин Илиодор Рыков тоже сдавал дом под построй. Его внучка, Евгения Васильевна Пушкарева, вспоминала о дальних годах так:

— Подворья забиты лошадьми, верблюдами, дома — людьми, а сани, так те на канаве за оградой — ярусами, из-за них другую сторону улицы не видать. Сколько менялось народу за ярмарку! Придет обоз из полуста подвод при двадцати ямщиках, охлынут кони после дальней дороги денька три-четыре, редко пять — и снова скрип полозьев.

При всей скромности зимнего заработка Россия поднималась на извоз, товарные реки текли и текли по дорогам. Традиционный санный путь казался привычным, незыблемым. Даже после постройки Уральской железной дороги московские уезды отправляли товар на ярмарку не поездами, а конной тягой. Чтобы без перевалки, до места. Извоз держали многие города, приметнее иных Казань, Вятка. Вятских ямщиков числилось три тысячи. Она брали с пуда на три копейки дешевле, чем железная дорога. При дороговизне хлеба, овса, сена конкурировали в убыток себе: опасались остаться без работы.

Охотно пускались в извоз крестьяне Екатеринбургской губернии. Но брали далеко не каждого: то упряжь плохонькая, то боязнь товар доверить, хотя обозники отвечали за кладь круговой порукой. А в дорогах бывало всякое. В феврале 1891 года на черном рынке продавали сорок лошадей. Их хозяева подрядились доставить в Ирбит кладь, но в пути у них украли воз товара на девятьсот рублей. Да, кому-то счастье сопутствовало больше, кому-то меньше, не исключалась даже беда. Крепостной поэт и ямщик Макаров, чье стихотворение “Однозвучно гремит колокольчик...” наверняка складывалось под впечатлением приездов на Ирбитскую ярмарку, замерз, как и его отец-ямщик, в дороге.

Но, говоря современным языком, удача в немалой степени зависела от прогнозирования. Дед екатеринбуржца Александра Дмитриевича Бальчугова Степан Филимонович, крестьянин деревни Эртигарки Тобольского уезда, ездил на Ирбитскую ярмарку с рыбой тобольских купцов сорок раз. И всякий раз привозил живого осетра собственной поимки от трех до шести пудов весом. Ловил рыбину осенью в устье Тобола, прихватывал веревкой за жабры, и плавал осетр до отводимого дня. Перед самой ездкой мужики — к речной яме. Вытянут — и, парного, в тулуп; в пасть — мокрую тряпку — и на сани. Дороги — 540 верст, обоз шел ровно неделю. Чтобы осетр не уснул совсем, Степан Филимонович капал на тряпку водки.

В домашнем тепле вкорыте с водою речное чудо удивляло хоть кого и красотой, и размерами. Какой состоятельный любитель осетрины мог отказать себе в редкой покупке? Бальчугов ходил в извоз на пяти лошадях, а купец платил за подводу, 25 пудов груза, по пятнадцати рублей. Но выручка за живого осетра значимо превышала основной заработок. Потому как диковина... Изобретательность, свойственная человеку любого промысла, разнообразила, красила ярмарку самыми неожиданными гранями!

Караульная артель

Ярмарка открывалась первого февраля, после молебна и поднятия флага. По поверью, поведение стяга на ветру предопределяло характер торга. Развернулся флаг сразу — торг будет крутой, стремительный, сник, запутался — затяжной, плещется на восток — для сибиряков всякое благополучие...

А пока до торжественного момента город полнится товарами. По всем трем трактам — обозы. По Верхотурскому — с заморскими товарами через Архангельский порт. По Камышловскому

— со швейными машинами, тканями для российских красавиц, скобяными изделиями, охотничьими ружьями, мануфактурой Москвы и Варшавы. По Тюменскому — с рыбой, кедровыми орехами, мехами, китайским чаем и фарфором, шелком, восточными сладостями. Всего так много, что товары бугрятся даже на улицах, площадях.

Все это нуждалось в охране. Стерегла товары караульная артель из 132 пеших и 14 конных. Все они отличались незаурядной физической силой и носили особый нагрудный знак. Иногда, впрочем, численность доходила до двухсот человек, конных в том числе до сорока. Артель делилась на десятки, десяткой руководил староста. Старосте вменялось следить за дежурством. Первая смена была всего трехчасовой, с пяти до восьми вечера. Очень короткой, но по вниманию, усилиям крайне интенсивной. Ранние зимние сумерки, кипучий людской водоворот возле прилавков — всякое могло случиться.

Вторая смена — с восьми вечера до восьми утра. Спокойнее, но весьма относительно. Товары — под открытым небом по всему городу, на немалом пространстве. Китайский чай на самой широкой улице, Главной, будто бесконечные сенные стога. Горы вятских и невьянских сундуков, ложки расписные, как игрушки, и, конечно, расписные дуги — краса и гордость ямщиков. Колокола, самовары, пимы, шапки, картузы... Понятно, едва ли кто позарится на пилу, литовку, кошму, мыло, свечи... Но ведь привозились на ярмарку и посуда Матвея Кузнецова, которая давно стала антикварной, и каслинское литье. Вазы из калканской яшмы стоимостью до двух с половиной тысяч рублей. Изделия из золота, серебра. Алмазы. Бельгийские револьверы...

Поводов к искушению хватало. А если человек к тому же в подпитии... Крепких напитков не чурались ни сами ирбитчане, ни торговые гости. В 1875 году только на постоянных дворах, а их по уезду набиралось 30, продана тысяча ведер водки. Казенный винный склад в Ирбите отпускал в год по 70 тысяч ведер “прямо в посуду потребителей”.

Про хмельное веселье и огромные деньги на торгах преступный мир знал. И тянулись на ярмарку не одни лишь купцы с товарами да покупатели с намерениями. Почти в каждом номере “Ирбитского ярмарочного листка” сообщалось о кражах, ограблениях. Красноярский купец как-то лишился 142 собольих шкур.

Стражи порядка даже в усиленном составе не смогли бы досмотреть за всем. Происшествий было бы куда больше, не будь у города караульной артели. История ее относится к 1792 году, когда городничий Хворошинский, не зная, как обуздать ночных татей, сам заступил в наряд по охране гостиного двора. Правда, Пермь, признав поступок неправильным, посоветовала, чтоб караульных подбирало городское общество. И артель сколотилась тотчас из тридцати человек. С 1879 года охранные правила обрели четкую строгость. Ночью артель оберегала запертые лавки и все остальные товары вплоть до оставленных под открытым небом. Плата взималась с лавки по пять рублей, с палатки — по три, за подвижные лари, возы, приклады у лавок — по соглашению сторон. Заступая, караульные проверяли исправность замков, печатей. Репутацией артель дорожила. В 1886 году караульный бросился навстречу воровской тройке. Кража не удалась, однако дозорный погиб под копытами лошади.

Работа почиталась за весьма доходную. За месяц ярмарки пеший охранник получал от 100 до 140 рублей, конный — все полтора. Это при стоимости коня на рынке от четвертного до 35 рублей. Претендентов в конный отряд набиралось обычно от ста до двухсот. Экзамены велись, как бы сказали теперь, на конкурсной основе. Коня — под седлами у привязи, их хозяева — возле крыльца управы. Слышится условная команда: “Кража!” — и начинается “погоня”. Отбираются сорок самых быстрходных, остальные — домой.

Отбирались в караульную артель только ирбитчане из мещанского сословия. Возникло оно по повелению Екатерины II, когда императрица 3 февраля 1775 года даровала Ирбитской слободе статус города за участие в подавлении пугачевского восстания. В указе подчеркивалось: “Всех желающих остаться в оной слободе жителей именовать тамошними мещанами...” Быть ирбитским мещанином было выгодно: платил он, как определила императрица, “в казну обыкновенной сбор, бываемый в городах торговать и промышлять по мере своей возможности... торгом”. А крестьяне только с возу торговали. Не только лавку, но даже балаган строить не позволялось. Чистота сословия свято оберегалась. Иван Дмитриевич Куликов, например, и родился в Ирбите, а мещанином город его так и не признал: отец с матерью из деревни!

Гостиница — весь город

Принимать гостей постоянно, из года в год — значит, заботиться и об устройстве. Торговый характер города сформировал строителей двух основных профессий — скорых, легких на руку плотников, а также замечательных мастеров каменной кладки. Обо всех примечательных постройках старинного города в журнальное очерке, понятно, не рассказать. Коснусь всего двух примеров. В Центральном государственном архиве древних актов хранится такое свидетельство: “В 1790 году 24 апреля загорелся дом надворной советницы Аграфены Степановой, а затем весь город — 225 домов, гостиный двор, присутственные места, питейные дома. Осталось 15 домов”.

Соседи — Тюмень и Екатеринбург, — решив воспользоваться безысходностью Ирбита, потянули торговлю на себя. Конец ярмарки и в самом деле казался неминуемым. Незадолго до пожара в Ирбите исхлопотала себе ярмарку Тюмень. Торговля в Тюмени предполагалась месяцем раньше, и для сибирских купцов это могло стать искушением. Снова запросил себе ярмарку Екатеринбург: лавки Ирбиту “построить в одно лето никак невозможно”.

Ирбитчане всполошились. Новые торговые ряды возводились спешно, из дерева, за счет самих жителей и капитала купцов со стороны, заинтересованных в деле. Екатерина II специальным указом освободила новый гостиный двор от налогов.

Этот гостиный двор, третий по счету за историю города, был уже на 410 лавок. Вокруг стояло свыше трехсот домов. Ярмарка 1791 года состоялась опять в Ирбите. А двенадцать лет спустя город сподобился на каменный гостиный двор, 218 лавок которого стали гордостью ярмарки.

По-своему любопытна история пассажа. Здание закладывалось под театр. Неожиданно в ярмарочный комитет поступило заявление от двенадцати российских и четырех иностранных купцов с просьбой повернуть стройку под магазины, причем на 26 из них сразу давались обязательства об аренде. Управа сочла предложение выгодным, срочно пересмотрела проект. Всего через зиму, 30 января 1864 года, состоялось открытие пассажа. Регистрационные книги донесли до нас виды товара, имена и фамилии торговых гостей, их купеческую принадлежность к губернским и уездным городам, иностранным государствам. Швейные машины “Зингер” до сих пор встречаются по крестьянским семьям в ирбитских деревнях и селах. Они, наследие бабушек, были куплены когда-то как раз в пассаже.

Город на равнине хорошо просматривался с любого возвышения. Величаво горели под солнцем позолоченные купола собора, четырех церквей, четырех часовен, башни мечети. Прохожего радовали каменные кружева зданий, ажурные крылечки, чугунная вязь. Не напрасно почтовые открытки с видами Ирбита расходились большими тиражами по всей России.

Дома в Ирбите возводились с учетом запросов ярмарки. Первые этажи сдавались под склады, вторые — под номера. Для двора типичен флигель. Даже домики на окраинах строились с расчетом извлечения большей выгоды. Неказистая постройка, а непременно о двух уровнях, с полуподвалом. Сдавалось внаем решительно все, что годилось, — дома и дворы. Хозяева с

семьями на это время перебирались куда придется: в каморки, кухни, прихожие, подвалы и даже в бани.

Не был исключением и дом Шеломенцевых, старинный, из могучих звонких бревен на две половины, первая из которых срублена до нашествия Наполеона в Россию, в 1808 году, вторая — в 1851-м, перед севастопольской обороной. Дом стоит до сих пор, никогда не переходил в чужие руки, сейчас в ней седьмое поколение Шеломенцевых.

Представитель шестого Александр Михайлович (его не стало в возрасте за восемьдесят) делился не столько своими воспоминаниями, сколько, по эстафете, отцовскими. Дом понизу заселяли исключительно извозчики, до полуста человек, из деревень своего же уезда Игнатьевой, Бессоновой, Лариной, Межевой... Принимая постояльцев, хозяин ничего особенного им не сулил. Стойла для лошадок стройте сами, жерди, солому на уметку привозите с собою. Ворота, если хотите, пусть будут настезь.

Не утеснялись и купцы, что занимали верх дома. Правда, горничная из деревенских называла верхних благородными. А что благородного! Ялutorовский купец с расписными дугами, прялками выбирал место во дворе возле забора на улицу, натягивал сверху какую-нибудь рогожу, убирал в заборе доски — и “магазин” открыт, милости просим!

Старинный Ирбит знал в городской черте несколько дворянских усадеб. Казалось бы, само сословное положение не позволит хозяевам тесниться, тем более по соображениям экономическим. Обстоятельства, однако, тоже вели к пересмотру взглядов, условностей. Вдова Иконникова не чуралась пускать бийских купцов вместе с товарами, хотя пирамиды из мешков с орехами, бочонков с медом удобств на дворе, естественно, не создавали.

Федор Маврицкий, правда, в отличие от многих, комнат на клетушки не делил, по углам постояльцев не набивал и, как родовитый дворянин, простолюдья, суетливости вообще не терпел. Потому второй этаж основного дома с парадной лестницей отводился на время ярмарки только представителям торговых контор Германии: Ариович, Лева, Зейдлер, Френкел, Шифран — поставщики сибирской пушнины в Европу. Как же, у хозяина университетское образование, годичный курс лекций по естественным наукам, прослушанный в Лейпциге! Пушникам Василию Охлопкову из Иваново и Захару Запсу из Москвы — по комнате в малом доме, кожевнику Иосифу Решетникову из Тюмени — угол во флигеле над каретником с условием кожи во двор не стаскивать: кони боятся!

К ярмарке в Ирбите готовились с осени: солили капусту, готовили приправы, заботились о квасных бочках, припасали впрок дрова... Прислугу нанимали с 10 января — горничных, дворников, кухарок. Они мыли в комнатах, прибирали двор, варили квас, пекли хлеб и морозили, ибо стряпать потом для себя было и негде, и некогда.

Гости приноравливались к хозяевам, платили нередко за год вперед. Добрые отношения устанавливались чаще всего и у хозяев с прислугой на многие годы.

Именная станция

Прокладка железных дорог по России подрезала исконные гужевые пути. Начальные-то устремления ирбитчан были — использовать, приспособить поезд для подвоза товаров на ярмарку. Но попытки одна за другой кончались неудачей. С прокладкой трассы от Перми не согласилось правительство. Вариант наметить путь от Камышлова и лишь после Ирбита пустить его на Тюмень перехватил Поклевский. Богатый, влиятельный предприниматель, чей спиртовой завод в Талице требовал выхода на оперативный простор. Вместо двух ломаных отрезков, из каких бы она составила, дорога плавной волнистой линией потекла к Тюмени через Талицу.

Другой городской голова опустил бы, наверное, руки. Но не Лопатков, природный дипломат, который вел городское хозяйство настолько умело, тактично, что все шероховатости, видимые противоречия стирались, гасли сами собой. Ирбит в частном порядке нанял инженера, известного писателя Гарина-Михайловского, произвести изыскание трассы от Екатеринбурга. Тот составил проект, снабдив его сметными исчислениями, графиками. Нанимая Гарина-Михайловского, городское самоуправление надеялось с готовым изысканием привлечь к строительству частный капитал или испросить деньги из казны. Но проект остался проектом.

Только судьба, видно, запрограммировала Лопаткова все-таки на проведение железной дороги к Ирбиту. Он внимательно вслушивается, вчитывается в пульс хозяйственной жизни России. К стыку столетий горные заводы Урала уже оставалась без древесного угля, ибо сосновые боры вокруг них чрезмерно поредели. А в относительно близком соседстве не востребованно стояли леса Притавдинского урмана. Мысль горных промышленников пройти к ним поддержали знаток уральского края В. Белов и знаменитый химик Д. Менделеев. Все это Лопатков моментально уловил и заявил о себе как о горячем стороннике и союзнике. Более того, Ирбит, не желая остаться безучастным к исследованию, командировал 29 июня 1899 года в Тавдинские леса секретаря городской управы И. Воробьева для выявления, уточнения их действительных запасов. Доклад Ивана Васильевича Менделеев опубликовал наряду с работами специалистов в особом сборнике. А вскоре появилась и публикация самого Дмитрия Ивановича о необходимости строить железную дорогу на Тавду через город Ирбит. Тотчас откликнулись охотники, в том числе заграничные, дать деньги на изыскание и прокладку пути.

Но когда дорога на Тавду проектировалась, ярмарка пела, по сути, свою лебединую песню: ее времечко истекло. Лишь слабая вера теплилась в усталом сердце городского головы, будто железная дорога идет к Ирбиту все-таки ради ярмарки, а не в интересах уральского горного дела. Услышать первый паровозный гудок Ивану Александровичу не довелось: умер за рабочим столом от кровоизлияния в мозг. 25 лет хлопот за дорогу сказались на нем вот так трагически. Память о нем увековечилась в названии станции, первой от Ирбита к Тавде. Почти следом не стало и ярмарки.

Советские ярмарки, проведенные с 1922 по 1929 год, были лишь слабым отголосками знаменитого торга. Первая из них состоялась по указанию Ленина и диктовалась тревогой за контрабандную утечку пушнины через Обскую губу и устье Енисея. Ярмарка 1929 года была 8-й советской и 279-й по общему счету.

Такого “возраста” не достигала ни одна ярмарка на территории нашей страны. Торг последних лет не имел, конечно, ни былого размаха, ни былого предназначения, а был скорее областного, даже местного значения.

За 279 лет через Ирбитскую ярмарку товаров прошло примерно на пять миллиардов рублей. Соотнесите, много ли это, если корова в XVII столетии стоила 67 копеек, а пуд пшеницы в 1910 году равнялся 30—35 копейкам. Много, очень много, целое товарное море плескалось на просторах России. Творцы его — купец, приказчик, ямщик, дозорный, приветливая обслуга. Без них ничего бы не было!

Воспоминания о ярмарке часто будоражат умы не только ирбитчан. После 1991 года, с зарождением частного капитала, одна московская фирма вострилась было восстановить Ирбитскую ярмарку, в частности, великий чайный путь, начиная с Кяхты, да, знать, сам бог торговли Меркурий посоветовал ей не смешить россиян. По крайней мере, фирма незаметно слиняла, не оставив о себе координат.

И все-таки город не в силах примириться с исторической утратой. За две недели до 2003 года Ирбит пригласил в гости группу екатеринбургских ученых — архитекторов, историков, экономистов. Пойти на приглашение заставила обстановка. Кончен мотоциклетный завод, для Ирбита становой. Уже не в той силе остальные предприятия. Горожан стало меньше на 8500 человек, или на одну пятую... Знакомясь с гостями, ирбитский глава Григорий Семенович Шатравка высказал озабоченность без обиняков:

— Пойдет и дальше так, Ирбит к исходу своего четвертого столетия опять вернется к статусу слободы...

Город — исторический: это звание у него официальное. Старина, если вернуть ей начальный вид, удивит, пробудит интерес, в Ирбит зачествят туристы, оставляя здесь какую-то копейку. Необходима программа восстановления и освоения исторического наследия, ее-то и могли бы помочь разработать ученые Екатеринбурга.

Готовность к сотрудничеству гости высказали. Кандидат архитектуры Виктор Иванович Симиненко, на памяти которого 140 осмотренных городов, заметил, к примеру:

— У меня по Ирбиту скопился огромный материал. Призовете — поработаю архитектором...

Прозвучали отдельные заманчивые наметки, в частности, как бы хорошо Ирбиту занять музей ярмарки, музей мотоциклов.

Обе стороны берутся за нелегкое дело: в основе-то всего — деньги. И не братья за проблему тоже нельзя.

Алексей Иванович Смирных — родился в 1929 г. Окончил факультет журналистики Уральского гос. университета им. А.М. Горького. Работал в городских и районных газетах, с 1965 г. — собкор газеты “Уральский рабочий”. Печатался в журналах “Родина”, “Уральский следопыт”. Автор документальных книг об Ирбите и о Туринской Слободе. Живет в г. Ирбите Свердловской области.

Источник: Журнальный зал